

(НА)ЛИЧНОСТЬ ПРОСТРАНСТВА

Филиппов А.Ф. *Социология пространства*.
СПб.: Владимир Даль, 2008

Возглавляющий кафедру практической философии и Центр фундаментальной социологии в московской Высшей школе экономики профессор Александр Фридрихович Филиппов хорошо известен российским и зарубежным специалистам в области общественных наук своими работами по политической философии и теории социальных событий.¹ Представленное издание подводит итог исследований А.Ф. Филиппова в области социологии пространства. Развитие социологии пространства в целом является одной из важных составляющих так называемого «пространственного поворота», происходящего сегодня в самых разных отраслях социогуманитарного знания.²

В *первой главе* рассматриваемого труда содержится обстоятельный очерк тематизации пространства с точки зрения истории социологии. Надо заметить, что пространственный поворот содействует формированию единого междисциплинарного исследовательского поля, вовлекая в свою орбиту такие разнообразные темы, как, например, развитие современной городской среды, проблематика нарушений в области экологических прав различных групп граждан, территориальное измерение политической и экономической организации. Характерной приметой новейших работ по изучению пространства является единство теоретических и практических аспектов. Ядром значительного числа исследовательских предприятий выступает стремление соответствовать потребностям локальных сообществ как субъектов социального действия. Смена рефлексивных паттернов смыкается с практической активистской деятельностью в рамках повседневной жизни, поскольку именно в рамках последней первоначально артикулируются специфические познавательные потребности индивидов.

Иную перспективу предлагает автор рецензируемой книги. Он не касается ни одной из упомянутых областей, подчеркнуто декларируя намерение «говорить об актуальном, каким оно представляется одной только личной интуиции» (с. 5). У читателя, ответственно воспринимающего такое заявление,

¹ См. напр.: Филиппов А.Ф. Триггеры социальных событий // *Логос*. 2006. № 5(56). С. 104–117; Филиппов А.Ф. Критика Левиафана // Шмитт К. *Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса*. СПб.: Владимир Даль, 2006. С. 5–100; Филиппов А.Ф. Пространство политических событий // *Полис*. 2005. № 2. С. 6–25.

² См. напр.: Warf B., Arias S. (eds.) *The Spatial Turn: Interdisciplinary Perspectives*. Abingdon, NY.: Routledge, 2009.

при последующем знакомстве с книгой возникает затруднение: отбор текстов, на которых основываются рассуждения профессора Филиппова, также является продуктом «личной интуиции»? Иными словами, можем ли мы полагать, что социология пространства, как она представлена в разбираемом объёмном труде, связана воедино чем-либо помимо индивидуальных предпочтений?

Искомое единство, по мнению автора, обеспечено особой теоретической логикой³, состоящей из связанной системы положений, которые описывают отдельный сегмент человеческого опыта (с. 36 и далее). Тщательному представлению теоретической логики социологии пространства целиком посвящена *вторая глава* труда А.Ф. Филиппова. Ядром соответствующей логики является рассмотрение пространства как системного смыслового комплекса, социальное значение которого выявляется в практике общественной жизни (с. 116). Опираясь на классические работы Георга Зиммеля, которые специально разбираются в *третьей главе* рецензируемой монографии, профессор Филиппов сосредоточивает своё внимание на проблеме понимания пространства участниками социального взаимодействия. Реконструкция имплицитного значения пространства для наблюдаемых людей образует, согласно Филиппову, один из центральных узлов концептуального каркаса социологии пространства наряду с базовой интуицией пространства, которой располагает наблюдатель, и пространством как предметной темой коммуникации наблюдаемых/социальных агентов (с. 120). Все элементы указанного каркаса развёрнуто анализируются в *четвёртой* и заключительной *пятой главах* книги с привлечением концепций Б. Верлена, И. Гофмана, П. Бурдьё и др.

Исходный пункт для построения социологии пространства образует так называемое «место наблюдателя», которое «предполагает комплексное событие-пребывания и событие-наблюдения» (с. 192). Движение социологии пространства обеспечивается возможностью проводить эксплицитное различие между разделяемым социологом дотеоретическим восприятием пространства из своего «места» и теоретической рефлексией на соответствующее восприятие пространства в деятельности других лиц. Тем самым в ткань социологического рассуждения незаметно вплетается своеобразное антропологическое априори, связывающее возможность существования пространства с возможностями *нашего*, человеческого, опыта. Пространственность тогда оказывается трансцендентальным условием возможности социальности, которое выполняется на уровне определённых практических *схем* (с. 128) и одновременно, заметим, способом трансцендентализации социологии. Функционирование пространственной схемы оказывается в таком случае вне зоны видимости для социального агента, который фактически бессознательно реализует её на уровне своего телесного

³ В смысле Джеффри Александера; см.: Alexander J.C. *Theoretical Logic in Sociology*. L.: University of California Press and Routledge Kegan Paul, 1982. P. 83.

поведения. Итоговая модель, во многом сходная с некоторыми построениями П. Бурдьё, заставляет задуматься об эпистемологическом статусе полученных результатов. Действительно, насколько оправдана социологическая апелляция к дотеоретической очевидности занимаемого наблюдателем места (с. 38 и далее), если пространственное измерение наблюдения определяет пределы всего этого процесса? Пространство будет уже не столько составляющей «континуума смыслов» (с. 208), сколько его границей.

Концепция Филиппова фактически редуцирует вопрос о сложности структурных свойств пространства как элемента взаимодействия. При этом сложность взаимодействий следует мыслить не только и не столько как последовательную направленную дифференциацию более или менее единых организационных форм, сколько как *обнаружение гетерогенности* социальных (про)явлений пространства, не допускающей сведения к единой концептуальной схеме. Следуя теоретической логике автора рецензируемого труда, мы должны будем «свернуть» гетерогенность пространства только по одному параметру – смысловому наполнению. При этом смысл реального пространственного взаимодействия превращается в инструмент избирательного теоретического конструирования, объективно снижающего рефлексивность индивидуального ориентирования в социальной среде.

Трансцендентальный эмпиризм разрабатываемого Филипповым варианта социологии пространства фактически блокирует возможность его применения в рамках полевой исследовательской работы, существенно затрудняя объективацию пространства в качестве реального компонента социальной динамики. Спекулятивная интерпретация места как «просто места, которое должно быть синтезировано в наблюдении и действии в соответствии с мотивом и практической схемой» (с. 147), не позволяет в достаточной мере осмыслить соотношение физического и социального измерений пространства. Оно, с одной стороны, элиминирует проблематику, связанную с использованием пространства для упрощения властного воздействия на те или иные социальные группы, а с другой – не позволяет ориентировать социологию на изучение нечеловеческого (вещественного, природного и т. д.) компонента пространства. Кроме того, неясным остаётся отношение изменения образов пространства в истории человечества к частной социальной «топологии» индивида. Можно ли, например, утверждать, что структура мест менее подвижна по сравнению со структурой пространств? Нуждается в уточнении и сам термин «наблюдение», который для Филиппова предполагает, по-видимому, возможность прямого доступа социолога к изучаемой реальности. Внимательное изучение рецензируемой работы позволяет утверждать, что операция наблюдения мыслится автором книги из перспективы когнитивной автономии познающего разума: *как если бы социолог обладал способностью свободно выносить за скобки обратное воздействие социальной реальности на самого себя.*

Культивация познавательной неангажированности, безусловно, заслуживает уважения, но, как представляется, подчас помещает на место наблюдения описание наблюдений, сделанных другими теоретиками, что, собственно, и гарантирует рассматриваемой социологии пространства желательную степень автономии. Обратной стороной достигнутой автономии становится трансформация рецензируемого труда в трактат по *метасоциологии*, соединяющий талантливый анализ многочисленных социологических концепций с построением некоей онтологии социального события, исключающей существование пространства «самого по себе» (с. 259). В результате мы оказываемся в парадоксальной ситуации, когда развитие «теоретической логики» концепции требует устранения лежащей в её основе базовой интуиции. Это неожиданное затруднение может быть разрешено, если допустить, что идея пространства с самого начала использовалась автором для формального указания на универсальные структуры смыслопорождения. Действие в пространстве оказывается в конечном счёте элементом формирования определённого «смыслового комплекса», который реализуется в событии (с. 249). Недостатки концепции Филиппова с точки зрения *социологии пространства* могут стать её достоинствами как *герменевтики* пространства. Герменевтический потенциал обращения к пространству в социальных исследованиях заслуживает дальнейшего глубокого развития.

Пётр А. Сафронов